

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 140

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-5-81

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОЛОГИИ РЕМЕСЛА

С. А. Азаренко¹, А. В. Келлер²

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

²e-mail: keller26000@gmail.com

Аннотация. *Актуальность* данного исследования заключается в новом позиционировании в истории таких понятий, как исторические периоды и эпохи ремесленного и индустриального развития, ремесленные, социальные и культурные практики, а отсюда и получение на современной шкале ценностей своих времени и места в новой архитектуре «зеленой экономики». **Целью** является снятие формального противоречия между ремеслом и модернизацией, когда происходит перманентная актуализация исторического опыта ремесла, чтобы малые и средние предприятия смогли стать драйверами инноваций с ресурсосберегающими, экологичными и социально нейтральными производственными процессами, стабилизирующими социумы, повышающими качество социальной и городской среды, уровень благосостояния населения. Представлены **принципы применения методологии** социальной топологии ремесла как новой области в философии истории ремесла. На примере текстов античной традиции (Аристотель), западноевропейской (М. Хайдеггер, А. Бергсон, М. Фуко, Ж.-Л. Нанси, М. Деланде, П. Слотердайк) и русской философии (П. А. Кропоткин, М. А. Бакунин, С. Н. Булгаков) **авторы показывают**, что социальная топология ремесла может рассматриваться как альтернативная теоретико-методологическая основа в исследовании истории ремесла, разработке его современных форм бытования и в развертывании во времени-пространстве. **В результате** она помогает увидеть, как социальная форма сообщества ремесленного братства раскладывает подавленные социальные и культурные практики ремесленной топологии, рождая новые смыслы и исторические нарративы. **Выявлены** своевременность и востребованность данной теоретической разработки, являющейся ответом на концептуальные вызовы времени-пространства постиндустриального развития, что открывает новую историческую ретроспективу ремесла, актуализирует его настоящее и делает возможным его устойчивое развитие в будущем. **Научная новизна** лежит в топологической направленности исследования, когда историческая личность видится как социально-телесное существо, которое имеет место в производимом им пространстве-времени, основывается на ключевых понятиях телесности, местности и совместности в социально-онтологическом контексте. **Направление дальнейших научных исследований** может проходить в рамках социальной феноменологии и онтологии по схеме гибких сетей малых производств, принимающей следующий вид: «ремесленные братства – цехи/мастерские – практики – самоорганизующиеся и самоуправляемые братства». Ремесленная топология предполагает взаимодействие в рамках глобального ремесленного братства экологичных производственных сетей, максимально использующих региональные специфики квалифицированных кадров и материальных ресурсов.

Ключевые слова: социальная топология ремесла, время-пространство, со-вместность, со-общество, братство, полиморфизм, гибкие сети малых производств.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках реализации государственного задания № FEUZ-2020-0056.

Для цитирования: Азаренко С. А., Келлер А. В. Теоретико-методологические аспекты социальной топологии ремесла // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 5 – С. 81–90. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-5-81.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SOCIAL TOPOLOGY OF THE CRAFT

S. A. Azarenko¹, A. V. Keller²

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

²e-mail: keller26000@gmail.com

Abstract. In the so-called historical periods of artisanal and industrial development, craft, social, and cultural practices have gained a new position in history and thus in the modern scale of values, their own time and place in the new framework of the «green economy». The formal contradiction between crafts and modernization can be removed if we consider the historical experience of crafts. With their genetic link to trade masters and their workshops, small- and medium-sized enterprises can be drivers of innovation through conservational, ecological, and socially neutral productive processes. The article attempts to outline the theoretical and methodological basis of a social topology of crafts as a new sphere in the philosophy of history and trades. Drawing on ancient, western European and Russian philosophy, the authors show that the social topology of trades can be seen as an alternative theoretical and methodological basis when researching the history of crafts, the development of their form and their deployment in space and time. The timeliness and relevance of this theoretical discussion is defined by the need to answer the conceptual challenges of the space-time of post-industrial development, to open a new historical retrospective on crafts and to realize the current and future sustainable development of trades. A topological research agenda, where the historical personality is seen as a socio-bodily being with a place in the space-time it itself produces, is founded on the key concepts of corporeality and location and interconnectedness within the socio-ontological context. In the framework of social phenomenology and ontology, the schema of flexible networks of small manufacturers takes the following form: «trade fraternities – workshops – practices – the self-organization and self-administration of fraternities». The craft topologeme suggests cooperation within the framework of a global trade fraternity of ecological manufacturing networks.

Keywords: Social topology of the craft, time-space, co-capacity, community, Brotherhood, polymorphism, small manufacturing networks.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the implementation of the state assignment No. FEUZ-2020-0056.

Cite as: Azarenko, S. A., Keller, A. V. (2021) [Theoretical and methodological aspects of the social topology of the craft]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 81–90. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-5-81.

Введение

Назревшая необходимость в выработке нового методологического инструментария для исторического и философского переосмысления истории ремесла привела авторов данной статьи к попытке предложить методологию социальной топологии ремесла. С топологической точки зрения быть – это значит со-быть с другими в различении и разграничении, быть в сообщении с ними, достигая взаимопонимания и совершая собрание вместе, воспроизводясь в качестве сообщества (в дружбе и братстве) в определенном времени и пространстве. Взаимодействие людей порождает время и пространство их бытия. Время-пространство – это обживаемое и порождаемое во взаимодействии людей место. Для выражения социального времени-пространства мы используем термин «топологема», подчёркивая, что нас интересует пространственность (топос), которая собирается (легеин) во время взаимодействия людей. Целью данного методологического поворота не является архаизация действительности с помощью таких устаревших социальных (патриархальных) практик, как, например, возрождение авторитарных иерархий, жёстких сословных рамок и ограничений, включавших обязанность вступления в брак подмастерья с женой умершего мастера и т. п. Знание истории ремесла как древней традиции, в которой сохранились или выкристаллизовывались на протяжении тысячелетий значимые практики, ценно для понимания историко-антропологических особенностей человека и его социальности. Из истории ре-

месла экстрагируются практики и знания, важные сегодня и завтра. В этом, как нам видится, заключается одна из основных идей социальной топологии ремесла, включающей в себя понятия телесности и темпоральности.

Методология социальной топологии ремесла

Согласно социальной топологии, быть можно только через бытие в отношении с другими. Индивид или сообщество – это всегда множественности, существование которых совершается через самовоспроизводящиеся и самоорганизующиеся механизмы социальной коммуникации. Сами отношения представляются определяющими, где агентами социальной коммуникации становятся ответственные за свои действия участники взаимодействия. Данное видение соотносится со сдвигом в области социальной онтологии, когда «человек стал представляться в качестве телесного, социального и коммуникативного агента социального действия», порождающего пространство и время своего бытия [1, с. 13]. Такие понятия в рамках социальной феноменологии и онтологии как телесность, местность и совместность определяют топологическую направленность в гуманитарных науках. Соответственно, задача историка может заключаться в выработке процессуального понимания исторической личности в социально-онтологическом контексте как «социально-телесного существа, которое имеет место в производимом им пространстве-времени» [1, с. 99].

Теоретическая модель социальной топологии ремесла предполагает модус существования человека в некоей топологии, включающей в себя понятие темпоральности. В применении к ремеслу синонимами его социальности становятся множественная телесность, социальные практики и социальные коммуникации в рамках мастерской, цехового или ремесленного управления, всероссийских ремесленных съездов, как дальнейшего усложнения темпоральности ремесла. Телесности разворачиваются в местности и совместности, практики реализуются на производстве, в семье и в политике, коммуникации – в со-общении и при-общении. Принимая «сущее» в качестве осмысленного мира, мы способны открыть его действительное время-пространство как процесс совмещения и размещения, складывания и раскладывания различных элементов социальности, где важным является вклад каждого человека в отдельности. История имеет место и это место заключено в поле антропологического измерения, в точке нахождения самого человека, выводимого за рамки объективистского и натуралистического толкования социально-экономических процессов [1, с. 109].

Уже М. Хайдеггер показал, что вещи, которые окружают нас, это подручные средства. Подручность предполагает то, что находится под рукой нашего тела, то, что мы можем проективно использовать. Быть для человека – это значит временно. Человек, по М. Хайдеггеру, «сам простирает и длит время, сам себя временит» посредством события (Ereignis) и совместного способа существования (Mitsein). Со-бытие необходимо понимать как непрерывное стремление человека к с-бытию, с-быванию, о-существлению во времени во взаимодействии с другими [1, с. 101]. Время становится открытым и варибельным, а поле социальности означает процесс опространствливания и овременения. Аналогично М. Фуко, «тело» человека трактуется как перманентно находящееся на переходе от одного «места» социальности к другому. Процесс становления времени пространством осуществляется через совмещение и размещение тел благодаря социальным практикам и техникам. Последний зависит от социально-исторических условий бытия совместности, где время может принимать то циклический, то направленный линейный или нелинейный характер. Социально-историческая действительность, это пространство и время совмещения и размещения определенных тел и производство определенных мест при этом. Набор социальных практик и техник опосредует порождение социального пространства и времени и предопределяет поведение и рефлексию агентов социальности [1, с. 103]. Место человека в истории как открытом событийном процессе и смысл истории, постоянно воспроизво-

дятся во взаимодействии людей, предстают в ином свете, где люди действуют в предзаданном осмысленном поле социальности. Общество обречено на смысл, оно всегда уже оказывается охваченным «речью» своей культурной традиции, совокупности социальных практик и техник, определяющих поведение людей [1, с. 108].

Понятие по-става как собирающего начала поднимает ремесло и технику на уровень экзистенциально важных составляющих раскрытия мира, в котором существо современной техники ставит человека на путь раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду делается состоящей-в-наличии. По-став есть миссия, сосредоточивающая на добывающе-производящем раскрытии сокрытого [14]. Это значит, что человек принадлежит к технической эпохе, являясь ее произведением: «человек произошел от камня», по Слотердайку, но он может изменить свое отношение к технике, а значит и к ремеслу, по-став-ляемому в контекст не только практического ремесленного знания «техне», направленного на производство полезного, но и этических и социальных компетенций в рамках понятия фроне́зис (греч. φρόνησις), используемого Аристотелем. Н. В. Романовский, приводя отрывок из «Никомаховой этики»: «... какие [вещи являются благами] для хорошей жизни», указывает на отличие понятия фроне́зис: «способность принимать верные решения; хорошее, полезное для человека, [где] акцентируется «практическая мудрость» [12, с. 17], от понятия техне – знания, присущего ремеслу и искусству в более утилитарном и практическом смысле. Таким образом, понятие техне в контексте универсального понятия фроне́зис сообщает истории ремесла новые потенциалы для создания исторического нарратива, способного обозначить и простимулировать формулирование новых смыслов справедливой экономики и устойчивого развития.

Предмет социальной топологии ремесла

Homo faber (Человек делающий) Анри Бергсона и *Homo technologicus* (Человек технологичный) Петера Слотердайка имеют непосредственное отношение к ремеслу. Указывая на связь между ремесленными практиками человека и особенностями его творческого интеллекта в направлении своей перформативной энергии на материальный продукт, Анри Бергсон писал: «Мы рождаемся ремесленниками и геометрами, и даже геометры-то только потому, что мы – ремесленники» [5, с. 75–76; см. в современной немецкой философии: 18].

Следуя традиции хайдеггерианского понимания проблемы техники, Слотердайка говорит о том, что человеку не избежать существования в по-ставе (das Gestell), так как он находится внутри его парадиг-

мы¹. Став человеком, человек занялся добывающе-производящим раскрытием сокрытого с помощью ремесла: изготовлением артефактов, естественным образом оказавшись внутри по-става, а значит и в неразрывной связи с техникой, перед которой он не должен терять своей супер-позиции демидурга, не только изменяющего, но и сохраняющего мир. В данном случае работа, производимая человеком, интегрируется в универсальном внутреннем пространстве [20]. Окружающий мир или природа превращаются в огромную мастерскую, в которой человек смог освоить первые техники их преобразования: бросания, удара и резания. Это прототипы ремесленного взаимодействия, отсылающие к дальнейшим множествам ремесленным техникам и практикам «вязания, ткания, прядения, плетения, связывания и всего того, что означает какое-либо действие рукой. [...] Именно для того, чтобы понять, что рука есть рука, мы должны начать с пред-истории о технике. [...] Только так можно понять, как человек стал человеком и почему он стал и останется навсегда техническим существом [21].

Ремесленное братство порождено производственным взаимодействием, существовало в собственном идиоритме и в определенном времени-пространстве. Оно производило орудия труда, без которых любая производственная деятельность человека, в том числе и обустройство своего жизненного мира, была невозможна. Поэтому трудно переоценить роль ремесленного труда, внесшего значительный вклад в формирование базисных антропологических признаков человека – любопытства испытателя, креативности художника и усидчивости мастера [8, с. 11].

В отличие от классической схемы социальности: «традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество», социальная топология предполагает «восходящую онтологию» от индивидуальных отношений до сложных социальных конфигураций типа города или государства. Согласно М. Деланде, схема социального множества индивидуальных сущих может выглядеть как: «индивиды – институты – города – государства» [2, с. 39; 7, с. 35–56]. С. А. Азаренко дополняет ее таким понятием как *дом* (целостность дома): «индивиды – дома – институты – города – государства». Мы используем схему Деланды, которая в виду своей пространственной конкретности может называться социально-топологической. По нашему мнению, слаженно устроенной социальной формой является сообщество братства. Такие отношения строятся на органических взаимодей-

ствиях индивидов в идиоритмии и не нуждаются во внешней государственной форме, поскольку они основываются на внутренней самоорганизации. В нашем случае эта схема принимает следующий вид: «ремесленные братства – цехи/мастерские – практики – самоорганизующиеся и самоуправляемые братства».

В социальных науках, начиная с 1887 г. (Ф. Тённис), принято отличать сообщество от общества. Сообществу соответствовала органическая связь между людьми, тогда как общество характеризовалось связями по интересам. Идеи самоорганизующегося сообщества развивал теоретик анархизма Михаил Бакунин. С его точки зрения первична для человека сама жизнь, она спонтанна, бесконечна, бездонна. В человеке первична воля и инстинкт. Человечность – это стремление к свободе и солидарности, её ещё необходимо обрести. По Бакунину, человек и самое общественное существо, и самое индивидуальное. Свобода не может быть в единственном числе, она предполагает освобождение других. Жизни нельзя предписать какой ей быть, она пробивает себе дорогу через революцию, как прорыв жизненной энергии. Революцию не делают «из головы», её находят в жизни, в традиции самого народа, в спонтанной его самоорганизации [4, с. 68, 84, 96, 175, 238–239].

Эти идеи получили развитие в этическом ключе в учении Петра Кропоткина, основывавшего социальность, т.е. множественную телесность, на идее общительности (взаимопомощи). Выступая против социал-дарвинизма и марксистской теории классовой борьбы, он основывал своё учение на общечеловеческой солидарности. Этика Кропоткина предполагала на месте власти принуждения и насилия, этику, как главную основу исторического процесса, в основе которого действуют механизмы самоорганизации и самоуправления. Анархия, предлагаемая Кропоткиным, является способом самоорганизации людей на основе общительности без «центра», без «пирамиды» власти, где каждый в отдельности ответственен. Община индивидов – это самоорганизующаяся структура, подвижная и постоянно изменяемая [9].

С точки зрения Сергея Булгакова, в отличие от европейского протестантизма, русское православие формирует хозяйство как широкий феномен, включающий мир в целом, Бога и человека, где последний не измеряется только деньгами. Хозяйство – это жизнь в целом. Мать с ребенком составляет хозяйство, потребность же при этом в деньгах – это уже собственно экономика. В основе философии хозяйства

¹ По-став (das Gestell) – техническое или пред-объективное мышление является пред-ставляющим мышлением в том смысле, что это мышление по-ставляет перед собой сущее как объект и воспринимает его во временном модусе настоящего как наличное. Человек *ставит* природу перед собой как ресурс с помощью техники и технологий. Всеобщность технических средств и есть по-став, составной частью которого являются ремесленные практики и технологии.

Булгакова лежит идея Святой Софии, восходящая к Вл. Соловьеву, который видел в ней вечный замысел Бога о мире, свет Троицы, её энергии, изливающаяся вечно. По Булгакову, хозяйство должно быть Софийно, то есть оно мудро, оно исполнено высших смыслов, и оно стало быть таково, когда человек занят созидательной деятельностью – растит хлеб, ухаживает за скотиной, ведёт ремесло, строит дом, то есть обустроивает вокруг себя мир, он действует не грубо материально и необходимо, но стремится улучшить бытие, украсить его и усовершенствовать. В такой экономике существует свободный труд свободных людей. Социальная система должна быть софийна, поскольку мир – это храм, который надлежит держать в чистоте и украшать. Вместо довлеющей власти и угнетения в мире должны и могут восторжествовать любовь и солидарность [6, с. 49–297].

В дальнейшем в социальной онтологии развились «подвижные» концепции сообщества на основе «сообщаемости». Начало такой онтологии заложил Мартин Хайдеггер. Раскрывая существо бытия, как бытия-в-мире, он рассматривает его, как со-бытие или совместность: «Обеденный стол в моем доме – это не просто круглая поверхность на подставке, но предмет мебели, стоящий в определенном месте, и в нем самом есть определенные места, за которыми каждый день сидят такие-то Другие; пустующее место аппрезентирует для меня как раз-таки со-бытие в смысле отсутствия Другого» [15, с. 251–252].

Такой род бытия-друг-с-другом являет форму со-бытия как зависимости-друг-от-друга. Хайдеггер понимает совместность целиком и полностью из повседневного способа бытия. Сообщество держится на сообщаемости или языке. «Сообщаемость» как понятие онтологическое, вмещает в себя людей в качестве телесностей, действующих в определенных местностях и совместностях. Ж.-Л. Нанси усиливает позицию Хайдеггера: с его точки зрения лучше говорить о сообществе существования, чем о сущности сообщества. Центральным здесь оказывается понятие сообщества. Это логика со-бытия или *Mit-sein*, она несет в себе способность строиться на «собирающей» логике «со». Это – воплощенная открытость, она есть бытие-в-месте, принципиально открытая навстречу отношениям между двумя данными существами. Оно открывает самоидентичную совместность в ее принципиальной подвижности границ. Любое «сам» – это с самого начала структура «с-», всякий находится рядом-с-собой, находясь рядом-с-другими. «Мы» прежде всего есть друг с другом не как соединенные точки или же поделенные на части совокупности, но как бытие-друг-с-другом. Нанси доходит до того, что возводит единство людей, совершающих путешествие в одном купе, до идеальной модели совместности. Но он следует более подвижному со-

стоянию современной социальности: «*Быть* это не нечто общее, но *ничто* как раздвигание, в котором рас-полагается и измеряется "сообща", то есть "с-", некоторое "рядом-с-собой" этого *быть* как такового, *быть*, насквозь пронизанное своей собственной транзитивностью: *быть*, будучи всеми сущими, не как их индивидуальный и/или общий *сам*, но как *близость*, которая их *раздвигает*» [10, с. 151]. Сущие находятся в контакте друг с другом и тем самым располагаются и различаются. «Быть» это не значит являться существительным, но являть собой глагол диспозиции [10, с. 152]. Данная онтология, согласно Нанси, связывает *ethos* с *praxis*'ом. Способ бытия «с» или «со» не является ни основанием, ни его отсутствием. Оно является не чем иным, как нетелесным, т.е. духовным «с-» бытия тела как такового [10, с. 144].

Ремесло во времени-пространстве

Социальная топология ремесла раскрывается благодаря анализу социальных (цехи, институты), культурных (культура труда и общежития) и профессиональных (ремесленные умения, навыки и технологии) практик. В традиционном ремесле знания приобретаются через практику. Позднее обучение ремеслу дополняется школьным образованием, а в ремесленном училище учебные мастерские дополняются учебными классами. Одновременно с усложнением способов обучения ремеслам, происходит усложнение их социальной и профессиональной структурной сложности, повышение степени их темпоральности. Система организации ремесла с основанием цехов в России разворачивается наподобие фрактала во времени-пространстве. Это хорошо прослеживается на примере цехов Петербурга, когда в 1785 г. отдельные цеховые управы объединяются в единое ремесленное управление, сознание цехового достигает более высокой или новой темпоральности как осознание себя частью большой общности цеховых ремесленников – ремесленного братства [3]. Практики телесности передаются в со-общении в процессе при-общения агентов социальности к со-обществу на основе совместности. Все это можно назвать взаимодействием людей или социальной коммуникацией, опосредованной знаково-символическими структурами. Символика торжественного акта учреждения Ремесленной управы Санкт-Петербурга с цеховыми знаменами в здании Городской думы на Невском проспекте в сердце империи, объединившей цеховые управы в единую социальную силу, опечаталась в массовом сознании цеховой столицы, как действительный акт утверждения цехов, хотя фактически они были основаны Петром I в 1722 г., а не Екатериной II. Акт социальной коммуникации в суггестивном смысле оказался сильнее законодательного акта, поэтому именно в 1885 г., а не в 1822 г.,

праздновалось 100-летие учреждения ремесленных цехов, что было зафиксировано вышитой на цеховых знаменах датой 1785 года.

При длительных временных промежутках (англ. long term) особенно ясно виден результат модернизации ремесла Петром I посредством введения цехов. При этом снимается традиционная историографическая проблема рецепции цехов в России как института несвоевременного и несоответствующего поставленным задачам в контексте вестернизации России, ввиду отсутствия социальных агентов цехового ремесла в большинстве городов с аграрным окружением и возможностей развития корпоративного сознания у представителей состояний и слобод. По мнению Д. М. Хартли, введение цехов как «непрактичного» западного института противоречило российскому времени-пространству, не готовому якобы на тот момент принять новый-старый институт цехов, который не выдерживал конкуренции с крестьянскими промыслами и страдал от несовершенного законодательства [16, p. 457–458].

В XIX веке мы видим совсем иную картину, когда цеховое братство Петербурга играет более весомую роль. Теперь налицо как социальные агенты цехового ремесла, так и правовое пространство, и институты, уважавшие мнение и права представителей ремесленного сословия, сумевших настоять на своей правоте. Социальное время-пространство ремесла, обозначаемое здесь термином «топологема», начало диктовать иные правила поведения, иные формы социальной коммуникации и телесности при решении конфликтов, в отличие, например, от 1810 г., когда Городская дума потребовала от ремесленного головы иностранных цехов зачисления налогов в полном объеме, после чего военный губернатор А. Д. Балашов приказал обер-полицмейстеру Санкт-Петербурга П. В. Голенищеву-Кутузову содержать старшин немецких цехов так долго под арестом, пока они не разберутся с распределением налогов среди ремесленников немецких цехов [11, л. 18–19].

Трансформация исторического нарратива ремесла предполагает пересмотр традиционных понятий универсального характера и «очищение» образа ремесленника от негативных коннотаций античной традиции, т. е. видения ремесленника не как странствующего ремесленника, (не)гражданина с неполноценным социальным статусом, а в роли творца или демиурга (от греч. *demiurgos* – мастер, творец), познающего реальный мир и преобразовывающего его благодаря опыту, характерному множественностью вариаций для всей культуры человечества. В результате, смысловое поле бога-отца соприкасается с таковым мастера-отца в мастерской. Мотивы труда ремесленного мастера, это сохранение своего стабильного материального существования вместе с повышением профессионального мастерства и сохранением социального статуса. Локальное произ-

водство ремесленного мастера укоренено в конкретных совместных отношениях, которые мастер сохраняет с помощью поддержания социальных связей.

Акцент делается не на владении средствами производства и не на увеличении капитала, не являющимися главными в работе и «жизненной философии» ремесленника, а на (имплицитном) знании (*tacit knowledge*) и социальных ценностях в рамках социальной рыночной экономики [19, p. 236]. Данная философия может тематизироваться в рамках противопоставления модели «классического капитализма», т. е. экономики акционеров (*stakeholder capitalism*), модели экономической демократии (*economic democracy*) [19, p. 240–258]. Исходя из расширенной концепции ремесленных практик в контексте социальной топологии, различные градации в профессиональном мастерстве зависят от их социальной и территориальной локации. Ремесло, от кустарных промыслов до декоративно-прикладного искусства, бытует в различных формах его проявления. Поле социального взаимодействия и множественной телесности ремесленного братства могло простирается между цеховым и нецеховым, городским и сельским, кустарным, промысловым, артельным и декоративно-художественным ремеслом. Локальные микровкрапления ремесленных практик на производствах крупной промышленности в виде отдельных цехов дополняли технологические цепочки, позволяя производить высокохудожественную штучную или мелкосерийную продукцию, как это наблюдалось на заводах Урала. Это объясняется тем, что как на крупном, так и в малом (ремесленном) производстве, возможны именно им присущие определенные трудовые и технологические практики, трудно переносимые в другие условия.

Таким образом, ремесло и модернизация, основополагающим процессом которой является индустриализация, перестают быть взаимоисключающими понятиями, становясь элементами стратегий единого процесса бесконечных изменений и попыток их гармонизации, когда на очередном витке модернизации происходит актуализация исторического опыта ремесла. Наряду с ремесленным мастером и ремесленной мастерской появились имеющие с ним генетическую связь малые и средние предприятия – новые ресурсосберегающие, экологичные и социально нейтральные профессии, наиболее близкие к масштабам и принципам модернизированной ремесленной мастерской. Социальность ремесленного братства созвучна правилам коллективного выбора, когда социальные агенты взаимодействия имеют полную автономию в рамках коллективного выбора для создания и применения некоторых своих правил, что делает возможным снижение транзакционных затрат и сбережение ресурсов.

Сочетание макро- и микроподходов позволяет лучше учитывать, как особенности крупномасштабных систем, так и их связь с экономической мотивацией отдельных агентов. При микроподходах *гибкие сети малых производств (small manufacturing networks)* при всей их неоднородности могут рассматриваться как результат сетевой информации соревнующихся и сотрудничающих социальных агентов ремесла [8, с. 6]. В данном контексте, агенты должны уметь предвидеть последствия поступков своих и прочих агентов ремесленного сообщества, использовать информацию об окружающей среде, иметь кратко- и долгосрочный временной горизонт, служить драйверами инноваций, стабилизирующими социумы во время фазовых переходов.

Цеховое ремесло и кустарно-промышленные кластеры в России, имея гибридный характер, шли гибридными путями развития, отличаясь по своей форме и содержанию от западноевропейских [см. о «гибридности» путей развития России и Китая в контексте теории модернизации: 13, с. 98–105]. Но эти пути не линейные, а значит независимо от того, в какой стадии развития или ее завершения находились цехи в Западной и Центральной Европе, именно российское ремесленное братство нуждалось в таком институте, дающем им новую организацию и стандарты качества. Ремесло рассматривается не в парадигме предполагаемых причинно-следственных связей, а в топологии с ее особенными свойствами времени-пространства. В таком случае цехи перестают быть «средневековым институтом», но становятся российской нововременной новацией, заключающей в себе возможность и потенцию для институционального развития ремесла как профессии. На стыке западноевропейской традиции и российской новации цехи генерируют социальные инновации, трансформировавшие со временем не только ремесленные, но и предпринимательские практики. То, что для полного развертывания цеховой топологии потребовались десятилетия: как в плане развертывания ремесленного самоуправления, так и трансформации ремесленных цехов в индустриальные цеха, говорит об отложенном эффекте, не позволявшем ей проявиться в полной мере. Институт цехов являлся составной частью модернизации как процесса со сложной системой взаимоотношений между традициями и инновациями. Таким образом, в российской профессиональной культуре появляются новые понятия цехового профессионального кодекса поведения, этоса мастера и корпоративной солидарности. С западными мастерами приходят не только новые технологии, но и новые социальные практики, происходит повышение статуса ремесленника: от мастерского к цеховому мастеру и мастеру вообще.

На примере Петербурга видно, как ремесленное братство, собиравшееся десятками тысяч на огром-

ной строительной площадке в дельте Невы, раскладывало его топологему посредством складывания своих технологий, практик и артефактов. Российское ремесло неотделимо от топологии ландшафта.

В маритимном Петербурге или материковой Москве трансфер знаний и технологий происходил наиболее интенсивно, но с различными топологическими особенностями. На протяжении многих столетий *mare balticum* представляло из себя трансграничное пространство, через которое проходило огромное количество экономических, культурных, семейных связей между Центральной, Восточной, Северной и Западной Европой. Пограничное положение Петербурга как города-порта с его маритимной экономикой, в отличие от материковой экономики Москвы, являющейся средоточием центрального экономического района России, определяло в значительной степени его экономические связи и особое место как внутри империи, так и за ее пределами. За всю историю имперского периода Петербург был не менее тесно связан с европейскими портами на Балтийском и Северном морях, чем с центральной Россией. Не забудем, что главные торговые центры Северо-Западной Руси – Новгород и Псков –, роль которых в торговле с Западной Европой взяли на себя позже Архангельск, Петербург, Рига и Ревель, на протяжении долгого времени были втянуты в сферу экономической активности одной из крупнейших торговых корпораций Средневековья и Раннего Нового времени – Ганзейского союза (нем. *die Hanse, Deutsche Hanse*).

Появившись в своей упрощенной форме, цеховая система ремесла со временем усложняется, как любая разворачивающаяся жизненная система или институт, образуя корпоративно-сословную совместность и складываясь в петербургскую топологему. Введение цехов «сверху» фиксирует момент осознания дефицита определенных профессиональных техник и технологий и понимания того, что необходимо сделать для преодоления этого дефицита. Акту установления следуют десятилетия становления, т. е. выработки соответствующих жизненных, социальных и производственных практик. Причем, заложенная в институте цехов темпоральная сложность могла проявиться только в темпоральной последовательности, т. е. распределенной во времени сложности, реализовавшейся с течением времени в пространственную в виде нового социального института – множественной телесности цехового братства. Формально моментом трансформации цехов в институт можно назвать Городскую реформу 1785 г., когда реформа сословного самоуправления цехов сопровождалась появлением ярко выраженного корпоративного сознания цеховых мастеров. В этом году, вместе с реформой цехов, происходит временное исключение временноцеховых мастеров, что позволяет интерпретировать это

как акт осознания себя вечноцеховыми мастерами одной корпорацией-сословием.

Конец цехового порядка в ремесле в различных регионах Европы совпал с концом «старого режима», в то время как в России он получил вторую жизнь благодаря специфике петербургской топологии цехового ремесла. С одной стороны, в европейских обществах XVIII–XIX вв. происходит замена монополии на производство и сбыт товаров городских мастеров промышленной свободой, их привилегированного положения – на права для всех его жителей, а в отношениях мастера с подмастерами – на право заключения свободного договора. Эти изменения воспринимались как устранение препятствий в виде цехов – «неподвижной и закрытой» системы для капиталистического развития. С другой стороны, на протяжении всего XIX в. время-пространство цеховых институтов не могло быть произвольно сложено в одночасье и продолжало свое влияние на социальные практики взаимодействия ремесленного братства [17, S. 9–13].

Говоря о ремесленной топологии в целом и о городском ремесле в частности, не стоит строго отделять его от «сельского» или «кустарного». Цеховые мастера нанимали на работу кустарей, приходивших в город на заработки, а при наличии предприимчивости сами кустари могли становиться городскими мастерами. Всех этих мастеров объединяли ремесленные и социальные практики, т. е. ручной труд, с применением инструментов, незначительной механизации, а затем и моторизации. Здесь общее понятие «мелкой промышленности»

адоптирует понятия «ремесла» и «кустарной промышленности» как части ремесленной топологии.

Выводы

Полиморфность российского ремесленного братства, как один из характерных признаков ремесленной топологии, рассматривается в концепте *гибких сетей малых производств* как модели настоящего и будущего развития глобального ремесленного братства, максимально использующего региональные специфики квалифицированных кадров и материальных ресурсов. Социальная форма этого сообщества позволяет раскладывать подавленные социальные и культурные практики ремесленной топологии в целях свертывания времени-пространства концептов социализма и капитализма, как крайних форм социального экстремизма, раскладывающих негативную последовательность несправедливых и социально деструктивных сил. Реализация топологии ремесленного братства поможет создать более справедливую реальность, учитывающую новое масштабирование человека и его место в глобальной топологии человечества.

В ходе реконцептуализации понятия цехов как цехового братства и раскладывания во времени-пространстве ремесленной топологии, их «старые» смыслы «отсталости» и «несвоевременности» заменяются новыми – экономико-культурного многообразия, социальной справедливости, нового качества жизни, устойчивой зеленой экономики. Все они являются составными частями концепции устойчивого развития.

Литература

1. Азаренко С. А. Топологии сообщества. – Казань: Познание, 2014. – 227 с.
2. Азаренко С. А. Социально-топологическая методология и топологии культурного бытия // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. – 2019. – № 16. – С. 27–41.
3. Азаренко С. А. Топология братства // Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение. Сборник статей региональной конференции, Екатеринбург, 24–25 октября 2019 г. – Екатеринбург: Миссионерский институт, 2019. – С. 10–20.
4. Бакунин М. А. Избранные сочинения в 5 томах. Том 1. Государственность и Анархия. – Петербург; М.: Голос труда, 1919. – 320 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. А. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; К: Канон-пресс-Ц, 2001. – 381 с.
6. Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. – М.: Наука, 1993. – 603 с.
7. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 35–56.
8. Келлер А. В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). – СПб.: Алетейя, 2020. (Библиотека *Quaestio Rossica*). – 630 с.
9. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: Самообразование, 2007. – 235 с.
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. – Минск: Логвинов, 2004. – 272 с.
11. Об уменьшении подачей с петербургских иностранных ремесленников, 1808–1827 гг. // РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 571. Оп. 3. Д. 337. 171 л.
12. Романовский Н. В. Фронеzis в концепции Бенга Фливерберга // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 17–26.
13. Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под

науч. ред. С. М. Гавриленко; – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2015. – 336 с.

14. Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. с нем. В. В. Бибикина. 1980. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 25.04.2019).

15. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е. В. Борисова. – Томск: Водолей, 1998. – 383 с.

16. Hartley J. M. Provincial and local government // *The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* / ed. by D. Lieven, London School of Economics and Political Science. – London: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 449–467.

17. Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa // *Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich*. Ed. Haupt H.-G. – Göttingen, 2002. – Pp. 9–13.

18. Irrgang B., Rentsch Th. (eds.). «Leib» in der neueren deutschen Philosophie / herausgegeben von Bernhard Irrgang, Thomas Rentsch. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2015. – 193 p.

19. Livingstone D. W. The Education-jobs Gap: Underemployment or Economic Democracy. – University of Toronto Press, 2004. – 344 p.

20. Sloterdijk P. Innovationen – Katalysator für einen gesellschaftlichen Paradigmenwechsel. 2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bvzNqldhVU> (дата обращения: 25.04.2019).

21. Sloterdijk P. Der Mensch als homo technologicus. 2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=-mVZbx0y6DA> (дата обращения: 03.03.2019).

References

1. Azarenko, S. A. (2014) *Topologii soobshhestva* [Topologies of Community]. Kazan', Poznanie, 227 p. (In Russ.).

2. Azarenko, S. A. (2019) [Socio-topological methodology and topologemes of cultural life]. *Muzyka v sisteme kul'tury: nauchnyy vestnik Ural'skoy konservatorii* [Music in the system of culture: scientific bulletin of the Ural Conservatory]. Vol. 16, pp. 27–41. (In Russ.).

3. Azarenko, S. A. (2019) [Topology of brotherhood]. *Teologiya v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve: religiya, kul'tura, prosveshcheniye* [Theology in the scientific and educational space: religion, culture, education]. Ekaterinburg, pp. 10–20 (In Russ.).

4. Bakunin, M. A. (1919) *Izbrannye sochineniya v 5 tomakh*. Vol. 1: *Gosudarstvennost' i Anarhiya* [Selected Works in 5 volumes. Vol. 1. Statehood and Anarchy]. Petrograd-Moscow: Voice of labour, 320 p. (In Russ.).

5. Bergson, A. (2001) *Tvorcheskaya evoliutsiya* [Creative evolution]. Blauberg. M.: TERRA-Book club K; Kanon-press-C, 381 p. (In Russ., trans from French).

6. Bulgakov, S. N. (1993) *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1: Filosofiya khozyaystva* [Works in two volumes. Vol. 1: Philosophy of the economy. Tragedy of philosophy]. Moscow: Science, 603 p. (In Russ.).

7. Delanda, M. (2017) [New ontology for social sciences]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. Vol. 27. No. 3, pp. 35–56. (In Russ.).

8. Keller, A. V. (2020) *Artifex Petersburgensis. Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyy i social'no-ekonomicheskiy aspekty)* Saint Petersburg: Aleteyya [Artifex Petersburgensis. The craft of St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries (administrative-legislative and socio-economic aspects)]. Biblioteka Quaestio Rossica, 630 p. (In Russ.).

9. Kropotkin, P. A. (2007) *Vzaimopomoshch' kak faktor evoliutsii* [Mutual aid as a factor of evolution]. Moscow: Self-education, 235 p. (In Russ.).

10. Nansi, Zh.-L. (2004) *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being singular plural]. Minsk: Logvinov, 272 p. (In Russ.).

11. On the reduction of taxes from St. Petersburg foreign artisans, 1808–1827 // *RGLA (Rossiiskij gosudarstvennyy istoricheskij arhiv)* [Russian State Historical Archives]. F. 571. Op. 3. D. 337 (In Russ.).

12. Romanovskiy, N. V. (2012) [Fronesis in the concept of Bent Flivberg]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1, pp. 17–26 (In Russ.).

13. Therborn, G. (2011) *The World: A Beginner's Guide*. Polity, 240 p. (Russ. Ed.: Terborn J. (2015) *Mir: Rukovodstvo dlja nachinaishchih = World: A Guide for Beginners*, trans. from the English by E. M. Gorbunova, L. G. Titarenko; ed. S. M. Gavrilenko. Moscow: Izd. dom «Vysshey shkoly ekonomiki», 336 p. (In Russ.).

14. Heidegger, M. (1980) [Question about technique]. *Vopros o tekhnike*, trans. from the German by V. V. Bibikhin. [Electronic resource]. Available at: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (accessed: 25.04.2019) (In Russ.).

15. Heidegger, M. (1998) *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni*. [Prolegomena to the history of the concept of time]. Tomsk: Aquarius, 383 p. (in Russ., transl. from German).

16. Hartley, J. M. (2006) Provincial and local government. The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven, London School of Economics and Political Science. London: Cambridge University Press, pp. 449–467. (In Eng.).
17. Haupt, H.-G. (2002) Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa. *Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich*. Ed. Haupt H.-G. Göttingen, pp. 9–13. (In Germ.).
18. Irrgang, B., Rentsch Th. (eds.) (2015) «Leib» in der neueren deutschen Philosophie / herausgegeben von Bernhard Irrgang, *Thomas Rentsch Würzburg: Königshausen & Neumann*, 193 p. (In Germ.).
19. Livingstone, D. W. (2004) The Education-jobs Gap: Underemployment or Economic Democracy. *University of Toronto Press*, 344 p. (In Eng.).
20. Sloterdijk, P. (2012) *Innovationen – Katalysator für einen gesellschaftlichen Paradigmenwechsel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=bvzNq1dhiVU> (accessed: 25.04.2019). (In Germ.).
21. Sloterdijk, P. (2012) *Der Mensch als homo technologicus*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=-mVZbx0y6DA> (accessed: 03.03.2019). (In Germ.).

Информация об авторах:

Сергей Александрович Азаренко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Андрей Викторович Келлер, доктор исторических наук, доктор философии (Фрайбургский университет им. Альберта-Людвига, Германия), старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: keller26000@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 30.06.2021; принята в печать: 22.09.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Aleksandrovich Azarenko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Andrey Viktorovich Keller, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (University of Freiburg, Germany), Senior Researcher, Laboratory of Traditional Archeography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
email: keller26000@gmail.com

The paper was submitted: 30.06.2021.

Accepted for publication: 22.09.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.